

ТРАНСГРАНИЧНАЯ ТУРИСТСКАЯ МОБИЛЬНОСТЬ В ЖИЗНИ МЕСТНОГО НАСЕЛЕНИЯ КАРЕЛЬСКОГО ПРИГРАНИЧЬЯ: ОГРАНИЧЕНИЯ ПАНДЕМИИ COVID-19

С. В. Кондратьева

Институт экономики Карельского научного центра РАН,
185030, Россия, Республика Карелия, Петрозаводск,
просп. А. Невского, 50

Поступила в редакцию 24.06.2022 г.
doi: 10.5922/2079-8555-2022-4-5
© Кондратьева С. В., 2022

Изложен подход к выявлению значимости трансграничной туристской мобильности (приграничного туризма) в жизни местного населения приграничного региона Республики Карелия в фокусе вызванных пандемией COVID-19 ограничений. Работа основывается на данных социологического исследования местного населения региона в муниципальном разрезе (575 чел.), проведенного автором в 2021 г. совместно с коллегой Е. А. Шлапеко. Анализ полученных результатов подтверждает привычность и роль трансграничной туристской мобильности в жизни местного населения карельского приграничья, что проявляется в регулярном совершении поездок в сопредельное государство, частых контактах с финскими путешественниками, в сформированных предпочтениях и сети контактов с жителями и организациями Финляндии. Показано, что в наибольшей степени ограничения отразились на жизни жителей карельского приграничья в сравнении с глубинными муниципалитетами Республики Карелия и столичным городским округом. Полученные результаты позволяют формировать комплексное представление о значимости трансграничной туристской мобильности (приграничного туризма), территориальных диспропорциях восприятия местным населением исследуемого феномена в разрезе приграничных, глубинных муниципалитетов и городского округа. Практическое применение предложенного подхода позволит расширить возможные варианты принимаемых управленческих решений, выступая в качестве инструмента региональной экономической политики в сфере туризма.

Ключевые слова:

трансграничная туристская мобильность, приграничный туризм, карельское приграничие, муниципалитет, Республика Карелия, местное население, пандемия COVID-19, Финляндия

Трансграничная туристская мобильность представляется одной из важных сфер жизнедеятельности местного населения карельского приграничья, направлением развития международного туризма Республики Карелия в целом, что подразумевает взаимные поездки жителей региона и сопредельной Финляндии с целью туризма, шопинга и отдыха. Насколько значима трансграничная туристская мобильность в жизни локального сообщества и существуют ли различия среди муниципалитетов региона (приграничные, глубинные или столичный округ)? Поиску ответов на обозначенные вопросы и посвящена настоящая статья, базирующаяся на результатах

Для цитирования: Кондратьева С. В. Трансграничная туристская мобильность в жизни местного населения карельского приграничья: ограничения пандемии COVID-19 // Балтийский регион. 2022. Т. 14, № 4. С. 79–97. doi: 10.5922/2079-8555-2022-4-5.

социологического исследования, проведенного автором с коллегой в 2021 г. в период действия ограничений пересечения российско-финляндской государственной границы под влиянием пандемии COVID-19.

Трансграничная туристская мобильность — феномен приграничья

Изучение туристских дестинаций приграничья, формируемых под влиянием не только внутренних, но и трансграничных туристских потоков, представляется сравнительно новым направлением российских научных исследований. Проблематика исследования феномена трансграничной туристской мобильности в фокусе междисциплинарных пограничных исследований обуславливается как кардинальными изменениями функций государственных границ РФ под влиянием трансформационных преобразований в государстве, так и изменениями в восприятии туристско-рекреационной сферы деятельности на уровне власти, бизнеса и общества, выстраиванием системы стратегического планирования и управления туризмом.

В теоретическом аспекте в отношении дефиниций исследуемого феномена в первую очередь следует обозначить наблюдаемую широту применяемых формулировок «трансграничная туристская мобильность» [1], «трансграничная туристская миграция» [2], «международный (въездной/выездной) туристский поток» [3], «приграничный туризм» [4–5], отражающих специфические черты современной жизни общества.

Более объемлющее понятие «трансграничная туристская мобильность», подразумевающее «совокупный въездной туристский поток иностранных граждан на территорию РФ и выездной туристский поток российских граждан на территорию других государств» [6], в настоящем исследовании будет приближено к термину «приграничный туризм» с фокусировкой исключительно на российско-финляндских обоюдных поездках жителей Республики Карелия и Финляндии с целью туризма, отдыха и/или шопинга [7]. Применение дефиниции «трансграничная мобильность» [8–9] с учетом возможных иных целей посещения сопредельных территорий обосновано влиянием данных потоков на жизнь местного населения, и в данной статье оно также будет рассмотрено в фокусе карело-финских обменов.

Обобщая теоретические и практические аспекты рассмотрения трансграничной туристской мобильности, в том числе приграничный туризм, можно обозначить следующие подходы к ее изучению на основе работы профессора Института географии РАН В. А. Колосова [7]:

— экономико-географический: оценка динамики, объемов и направлений туристских потоков, делимитация границ туристских регионов, функциональная взаимосвязанность и соотношение потенциала приграничных регионов сопредельных государств и пр.;

— экономический: экономические аспекты взаимовлияния туристской мобильности на развитие экономики приграничных регионов сопредельных государств;

— междисциплинарный пограничный (border studies): комплексный анализ феномена трансграничной туристской мобильности, включая зависимость от режима границы, институциональных, политических и иных факторов.

Наиболее подробно проблематика российских государственных границ рассмотрена в работах, посвященных российско-польскому [10–14], российско-эстонско-латвийскому [15–16] и российско-китайскому приграничью [4–5; 17]. При этом в большей степени в исследованиях представлен количественный анализ трансграничных туристских обменов (динамики, объемов и структуры) и финансовых затрат путешественников, качественный анализ происходящих в приграничье изменений встречается значительно реже.

Относительно российско-финляндского приграничья влияние трансграничной туристской мобильности российских граждан на развитие приграничных территорий сопредельного государства достаточно подробно изучено в экономическом, социокультурном и иных аспектах [18—23]. Большинство работ посвящено исследованию въездного туристского потока россиян в Финляндию, в основном с целью шоппинга [12; 24—27]. Отмечается высокая степень зависимости социально-экономического развития, особенно восточного приграничья Финляндии, от предпочтений и финансовых возможностей российских туристов, предлагаются меры по стимулированию въездного потока в Финляндию. Работы по оценке трансграничной туристской мобильности финских туристов в российское приграничье встречаются реже, раскрывая отдельные аспекты феномена приграничного туризма [28—29], специфику и/или результаты трансграничных взаимодействий [30].

Проблематика воздействия трансграничной туристской мобильности на социально-экономическое, социокультурное, пространственное развитие приграничья многоаспектна и достаточно широко представлена в работах российских и зарубежных исследователей. Вместе с тем следует указать, что рассмотрение направлений влияния отражено непропорционально: большая доля разработок фокусируется на социально-экономическом эффекте для сообщества или территории, меньшая посвящена социокультурному и пространственному эффектам [8; 25; 31; 32].

Так, развитие трансграничного шоппинг-туризма рассматривается в качестве ежедневной активности, улучшающей уровень и качество жизни местного населения по обе стороны государственной границы. Достопримечательности, объекты посещения, интересные культурные события, медицинские услуги представляются фактором привлечения туристов сопредельного государства [12; 26; 31].

При этом исследователи указывают, что большинство шоппинг-путешественников из Польши, Эстонии, Латвии, Финляндии, въезжающие в РФ с целью приобретения топлива, достигают лишь ближайших АЗС [10; 11; 28]. Вместе с тем М. Венцовский, профессор Польской академии наук, подчеркивает роль и значимость трансграничной туристской мобильности как важного фактора развития приграничья, даже если пребывание посетителя длится всего несколько часов [1].

Коллективная работа исследователей Польши, Финляндии и России выявила, что российские шоппинг-туристы обычно посещают приграничные города Финляндии, редко путешествуя в другие части сопредельного государства. При этом часто передвижения совершаются исключительно до основных супермаркетов или торговых центров в пригороде или на границе, особенно в период скидок и акций [12].

И. И. Пирожник, профессор Поморской академии Польши, выделяет два варианта влияния границы на развитие приграничного пространства: при наличии «объектов туристского интереса формируются рекреационные ландшафты, находящиеся в непосредственной близости от пунктов пересечения границы», при выполнении транзитных функций «складывается особый ландшафт, для которого характерным является наличие пунктов обмена валюты, отделений страховых компаний, ресторанов, автозаправочных станций и туристских информационных центров» [2, с. 143]. При этом в конкурентной борьбе за финансовые ресурсы туристов большое значение приобретает не столько близость населенного пункта к государственной границе, сколько его насыщенность необходимыми для потребителя товарами и услугами.

В качестве положительного экономического влияния на диверсификацию экономики обозначаются активизация местной торговли товарами и услугами, что с учетом мультипликативного эффекта оказывает влияние на рост производства продукции ряда секторов экономики и сопутствующих услуг [11; 27]. При усилении

трансграничной туристской мобильности «многие приграничные районы из заброшенной периферии, удаленной от главных центров в пределах государственных территорий, превращаются в зоны контакта хозяйства соседних стран, локомотивы интеграции и экономического развития» [8, с. 83]. В этом отношении показательна практика развития ряда приграничных городов Финляндии и воеводств на северо-востоке Польши. Так, в большинстве восточных приграничных с РФ областях Финляндии именно российские туристы формируют значительную долю туристского потока: около 80 % — Южная Карелия с центром в г. Лаппеенранта, провинция входит в тройку лидеров по величине иностранного турпотока, почти 50 % — Южное Саво, г. Миккели, более 40 % — Кюменлааксо, г. Коуволла и более 30 % — Северная Карелия, г. Йёнссу и Кайнуу [29].

Исследователи указывают, что значимым социокультурным эффектом развития трансграничного туризма становятся появление общего языка (применение одного или двух) в приграничье, возникновение постоянных контактов и формирование трансграничных социальных связей. Кроме того, посещение страны с иной культурой и стилем жизни может привести некоторые новые привычки в повседневную жизнь путешественников [12]. Исследование формирования и развития трансграничного социокультурного пространства «Карелия» показывает, что наибольшее проявление трансграничной социокультурной специфики наблюдается в сферах культуры и искусства, проектной деятельности, образования, туризма, в информационном пространстве. Уникальность трансграничной территории заключается в «эффекте соседства», который проявляется в формировании специфического социокультурного пространства с чертами локальных сообществ по разные стороны границы [32]. Так, В. А. Колосов указывает, что на рубежах РФ и ЕС «формируется особая социальная общность людей, чья повседневная жизнь по разным причинам связана с регулярным пересечением границы» [8, с. 88]. Развитие межгосударственных отношений в последние десятилетия продемонстрировало возрастание роли народной (общественной) дипломатии. Народная дипломатия укрепляет социокультурное сотрудничество, добрососедство и атмосферу безопасности, служит инструментом «мягкой силы», повышающим привлекательность региона и государства в целом, языка, культуры и образа жизни [7]. Практика российско-финляндского приграничья показывает, что основными источниками представлений жителей приграничных территорий друг о друге являются общение с родственниками и друзьями, проживающими на территории сопредельного государства или часто посещающими данную страну; СМИ; интернет-ресурсы и социальные сети, а также личный опыт посещения сопредельного государства [33].

Исследователи подчеркивают, что трансграничная туристская мобильность (приграничный туризм), обладая целым спектром положительных эффектов для социально-экономического развития территорий сопредельных государств, вместе с тем испытывает высокую степень зависимости от ряда факторов, способных иметь решающее значение в вопросе ее функционирования [7]: «Модель трансграничного взаимодействия, основанная только на использовании приграничной ренты, неустойчива» [8, с. 92]. Множество факторов могут оказать существенное воздействие на развитие (резко сократить или даже прекратить возможности трансграничных обменов) трансграничной туристской мобильности: политический, институциональный, инфраструктурный, природный и культурно-исторический, экономический, социокультурный, медико-биологический и иные. Последний становится одним из ключевых направлений современных исследований [34; 35]. Практика российско-финляндского приграничья под влиянием новой коронавирусной инфекции и вызванных ею ограничений показательна.

Резюмируя, отметим, что существуют достаточно глубокие и многоаспектные исследования финского приграничья в фокусе проблематики трансграничной туристской мобильности, в то время как территория карельского приграничья в этом аспекте практически не изучена, а имеющиеся наработки носят фрагментарный характер. За пределами научных изысканий по изучению трансграничной туристской мобильности (приграничного туризма) остается мнение местного населения, проживающего в условиях исследуемого феномена. Вместе с тем именно в периоды ограничений наиболее ярко проявляется значимость отдельных событий или явлений в жизни общества, в некоторой степени можно говорить, что пандемия COVID-19 и вызванные ею ограничения послужили началом процесса осмысления и оценки феномена приграничного туризма.

Цель работы — выявление значимости трансграничной туристской мобильности в жизни местного населения карельского приграничья на основе данных социологического исследования, проведенного в 2021 г. в условиях ограничений пересечения российско-финляндской государственной границы под влиянием пандемии COVID-19. Предполагается, что в наибольшей степени ограничения затронули жителей карельского приграничья, в меньшей — население глубинных муниципалитетов Республики Карелия и столичного городского округа в силу специфики экономико-географического положения и сформированной сети трансграничных связей и потребительских предпочтений жителей сопредельных территорий.

Материалы и методика исследования

Социологическое исследование было проведено автором совместно с коллегой Е. А. Шлапеко, канд. полит. наук, научным сотрудником ИЭ КарНЦ РАН, в 2021 г. среди жителей Республики Карелия с использованием платформы «Google-формы». Опрос включал в себя несколько блоков закрытых и открытых вопросов с целью выявления мнения местного населения относительно различных аспектов развития приграничного туризма, функционирования туристско-рекреационной деятельности в Республике Карелия. Всего для анализа было отобрано 575 полностью заполненных анкет, распределение которых по муниципальным районам в полной мере соответствует долевым соотношениям численности муниципалитетов региона.

Выявление значимости трансграничной туристской мобильности основывается на данных социологического инструментария в фокусе влияния ограничений новой коронавирусной инфекции на жизнь местного населения в ракурсе трех основных направлений:

- 1) привычный образ жизни местного населения;
- 2) благосостояние семей карельского приграничья;
- 3) преимущества и ограничения развития приграничного туризма.

В работе впервые на основе примененного социологического инструментария раскрыты взгляды местного населения приграничного региона Республики Карелия на развитие трансграничной туристской мобильности (приграничного туризма) в фокусе ограничений современных вызовов на жизнь карельского приграничья.

Работа фокусируется на феномене трансграничной туристской мобильности (приграничном туризме) и влиянии ограничений пандемии COVID-19 на ее развитие на примере карельского участка российско-финляндской государственной границы. Изменения, имевшие место на финской стороне, в настоящем исследовании не рассматриваются. Рассчитаны медианные показатели.

Исследуемая территория

Модельной площадкой исследования выступают 7 из 18 муниципальных районов сопредельного с Финляндией региона РФ — Республики Карелия. Выделенные приграничные районы объединяются в данной статье понятием «карельское приграничье». По состоянию на 1 января 2021 г. в Республике Карелия проживало 609,1 тыс. чел., из которых пятая часть (18,7 %) — на территории карельского приграничья. Муниципальные районы Республики достаточно разнообразны по географическим, социально-экономическим, транспортно-логистическим и иным характеристикам (табл. 1). На территории трех приграничных муниципалитетов функционируют многосторонние автомобильные и железнодорожные пункты пропуска: Вяртсиля — Ниирала (75 % от общего трафика на карельском участке российско-финляндской государственной границы, Сортавальский район), Люття — Вартиус (20 %, Костомукшский городской округ) и Суоперя — Куусамо (5 %, Лоухский район, только автомобильный). Кроме того, Лоухский, Калевальский национальный районы и Костомукшский городской округ входят в Арктическую зону Республики Карелия.

Таблица 1

**Общая характеристика муниципалитетов Республики Карелия
(по состоянию на 1 января 2021 г., медиана)**

Территория	Площадь, тыс. км ²	Плотность населения, чел./1 км ²	Динамика населения, 2018—2021 гг., %	Расстояние от районного центра, км	
				до ближай- шего МАПП	до г. Петрозав- водска
Петрозаводский го- родской округ	0,11	2484,2	+0,5	290,5	0
Приграничные му- ниципалитеты*	75,7	1,1	- 4,7	170	464
Глубинные муни- ципалитеты	81,1	2,7	- 5,1	250	246

Примечание: * В Лоухском районе расстояние до МАПП рассчитано от пос. Пяозерский и пос. Лоухи в силу специфики муниципалитета.

Исследуемая территория ежегодно принимает около 440 тыс. туристов и экскурсантов, преобладающая часть которых самостоятельно организует свой маршрут, посещение достопримечательностей и отдых в карельском приграничье (рис. 1). Сортавальский район обслуживает более 90 % посетителей приграничья, испытывая максимальную туристскую нагрузку в Республике Карелия. С одной стороны, на территории муниципалитета располагается десятая часть (12,5 %) объектов культурного наследия региона, включенных в Единый государственный реестр, с другой — муниципалитет характеризуется выгодным транспортно-географическим положением, включая интенсивное авто- и железнодорожное сообщение со столичными городами (Санкт-Петербург и Москва), а также функционирование до 2020 г. МАПП «Вяртсиля — Ниирала», составлявшее около 1,5 млн пересечений в год [36; 37]. Вместе с тем медиана интенсивности въездного туризма по семи приграничным муниципалитетам, составляя 500 прибытий на 1 тыс. местных жителей, значительно уступает показателю глубинных регионов (1,2 тыс. прибытий / 1 тыс. чел.).

В целом на территории карельского приграничья располагается треть (29,3 % по состоянию на 21 апреля 2022 г.) объектов культурного наследия региона, включен-

ных в Единый государственный реестр; и в потенциале — больше четверти (27,4 %) еще только выявлены, но не внесены в реестр. Приграничные муниципалитеты активно развивают культурно-познавательный (включая этнокультурный, военно-исторический, религиозной направленности и пр.), экологический, активный, событийный и иные виды туризма. Так, ежегодно Валаамский Спасо-Преображенский монастырь посещают около 100 тыс. туристов и паломников со всего мира, в 2020 г. национальный парк «Паанаярви» принял около 7 тыс. чел., только за девять месяцев 2021 г. около 460 тыс. посетителей побывали в первом в РФ горном парке «Рускеала». Кроме того, приграничные муниципалитеты испытывают нагрузку от трансграничного и транзитного туристского потока.

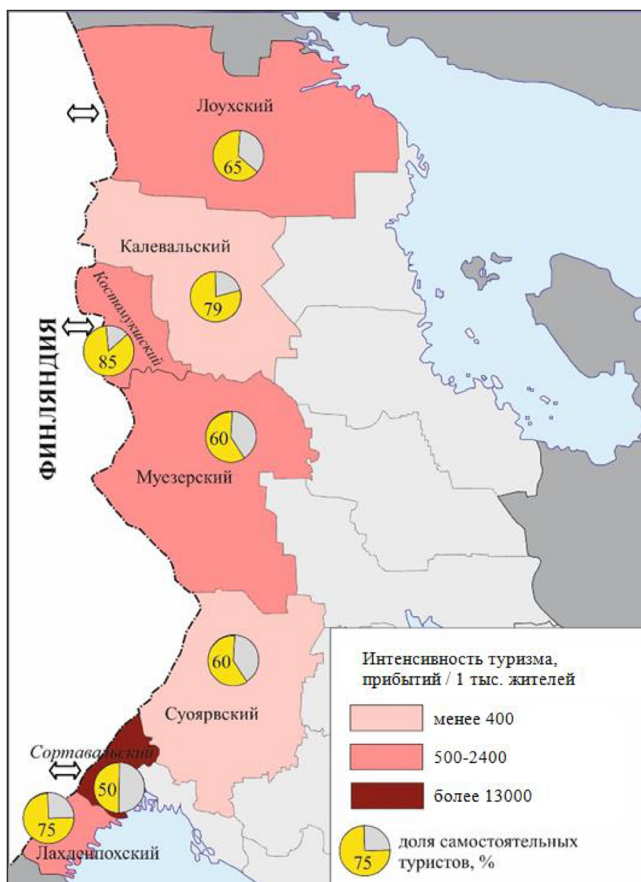

Рис. 1. Въездной туристский поток в карельское приграничье [36]

Результаты исследования

Краткая характеристика респондентов

Всего для анализа было отобрано 575 полностью заполненных анкет респондентов Республики Карелия, среди которых большинством являются женщины — 340 чел. (59 %) и меньшинством мужчины — 235 чел. (41 %), что отвечает половой структуре населения региона: 54,4 и 45,6 % соответственно. Распределение респондентов в муниципальном разрезе также коррелирует с долевыми отношениями численности местного населения районов (табл. 2).

Таблица 2

**Распределение респондентов
по муниципалитетам Республики Карелия**

Территория	Численность населения, чел.	Доля в Карелии, %	Число респондентов, чел.	Доля респондентов, %
Петрозаводский городской округ	280 711	46,1	257	44,7
Глубинные муниципалитеты	214 240	35,2	202	35,1
Приграничные муниципалитеты	114 120	18,72	116	20,1
В том числе:				
Костомукшский городской округ	30 273	5,0	26	4,5
Калевальский национальный район	6 489	1,1	8	1,4
Лахденпохский район	12 298	2,02	13	2,3
Лоухский район	10 619	1,7	12	2,1
Муезерский район	9 241	1,5	10	1,7
Сортавальский район	30 366	5,0	29	5,0
Суоярвский район	14 834	2,4	18	3,1
Республика Карелия	609 071	100	575	100

При возрастном распределении доминирует группа 30—39 лет (25,7%), равные пятые доли приходятся на группы 40—49 и 50—59 лет; возрастная группа старше 60 лет составляет 17,2% респондентов, наименьшая — молодежь в возрасте 18—29 лет (14,1%).

Приграничный туризм в жизни карельского приграничья: представление местного населения

Феномен значимости трансграничной туристской мобильности в жизни местного населения выкристаллизовывается в ответах респондентов приграничного региона Республики Карелия в период действия ограничений пересечения государственной российско-финляндской границы вследствие пандемии COVID-19.

Изменение привычного образа жизни местного населения вследствие ограничений пандемии COVID-19. Изменение привычного образа жизни местного населения, вызванное ограничениями из-за новой коронавирусной инфекции, показано при анализе двух вопросов, раскрывающих проблематику частоты посещения сопредельного государства Финляндии в допандемийный период и ограничительных мер пересечения государственной границы в период пандемии.

Согласно данным социологического исследования, жители приграничных муниципалитетов были самыми активными в Республике Карелия посетителями Финляндии с целью отдыха, шопинга и туризма до ограничений пандемии COVID-19 (табл. 3). Так, каждый третий житель карельского приграничья (29,3%) посещал сопредельное государство каждый месяц или больше 10 раз в год; каждый десятый — достаточно часто (ежегодно шесть-десять раз). При этом почти половина жителей глубинных муниципалитетов (46,0%) региона ни разу не была в соседней стране. Самый низкий показатель наблюдается в Петрозаводском городском округе, что определяется столичным статусом муниципалитета, фокусирующем административный и научно-образовательный потенциал региона.

Таблица 3

Ответы на вопрос «Как часто вы совершали (до пандемии) поездки в Финляндию с целью шопинга, туризма и отдыха?», чел./%

Территория	Очень часто (каждый месяц или больше 10 раз в год)	Достаточно часто (6–9 раз в год)	4–5 раз в год	2–3 раза в год	Раз в год	Раз в несколько лет	Никогда не был(а)
Петрозаводский городской округ	9/3,5	19/7,4	33/12,8	75/29,2	3/1,1	63/24,5	55/21,4
Приграничные муниципалитеты	34/29,3 (29,8)	12/10,3 (9,6)	10/8,6 (9,6)	9/7,8 (8,7)	0	14/12,1 (12,5)	37/31,9 (29,8)
Глубинные муниципалитеты	16/7,9	4/1,98	10/4,95	31/15,3	0	48/23,76	93/46,0
Республика Карелия	59/10,26	35/6,1	53/9,2	115/20,0	3/0,5	125/21,7	185/32,17

Примечание: в скобках указаны приграничные муниципалитеты без учета Лоухского района.

Незначительные расхождения показателей частоты посещения карельским населением Финляндии с учетом и без учета Лоухского района, характеризующегося уникальным одновременно приграничным и глубинным положением, позволяет пренебречь вторым, рассматривая муниципалитет в дальнейшем исключительно как приграничный.

Рассмотрение в муниципальном разрезе карельского приграничья выявляет специфику отдельных районов (рис. 2).

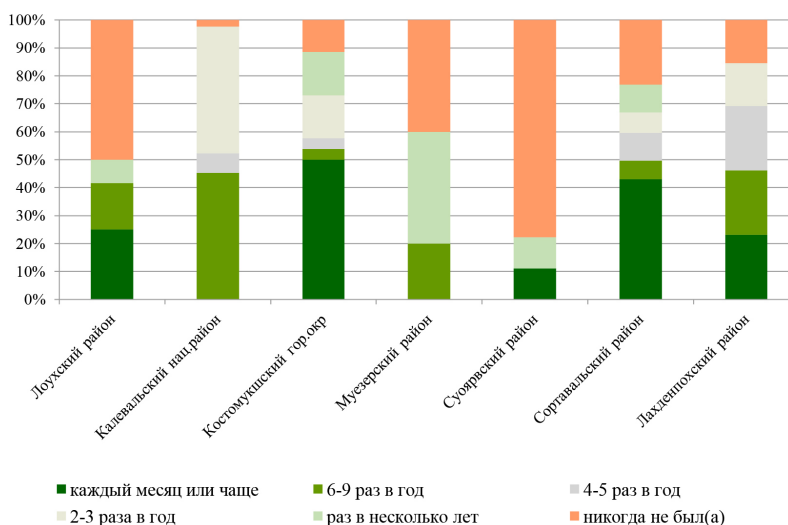

Рис. 2. Ответы на вопрос «Как часто вы совершали (до пандемии) поездки в Финляндию с целью шопинга, туризма и отдыха?», %

Примечание: здесь и далее районы расположены слева направо в последовательности с севера на юг.

Достаточно обоснованным представляется высокая трансграничная мобильность местного населения Костомукшского городского округа и Сортавальского района (каждый второй житель посещал сопредельную Финляндию почти ежемесячно), учитывая территориальную близость МАПП (соответственно 30 и 57 км), удобство их функционирования. Также следует указать на достаточно высокую активность населения Лахденпохского и Лоухского районов (соответственно 46,2 и 41,7 %). Среди муниципалитетов карельского приграничья выделяют Суоярвский район, 77,8 % жителей которого ни разу не были на территории сопредельного государства с целью шопинга, туризма или отдыха; также достаточно высока доля таковых в Муезерском (40,0 %) и Лоухском (50,0 %) районах. Отсутствие МАПП непосредственно на территории Суоярвского и Муезерского районов наряду со спецификой физико-географического положения Лоухского муниципалитета обосновывает подобное распределение ответов респондентов. Кроме того, не учитываются поездки жителей на территорию сопредельного государства с деловыми, профессиональными и иными отличными от отдыха, туризма и шопинга целями.

В вопросе оценки влияния ограничений на пересечение государственной российско-финляндской границы на жизнь местного населения (табл. 4) жители приграничья демонстрируют самую высокую в сравнении с глубинными и столичным муниципалитетами степень данного влияния. Так, каждый третий житель приграничья (32,0 %) дал ответ «да, существенно» на вопрос о степени влияния ограничений пересечения российско-финляндской государственной границы из-за пандемии на свою собственную жизнь и жизнь своей семьи. Кроме того, жизнь каждого пятого респондента карельского приграничья «скорее претерпела сильные изменения» (19,0 %). Следует обратить внимание, что совокупно влияние ограничений затронуло каждого второго жителя приграничья и столичного округа региона: 50,2 и 51,0 % соответственно. При этом почти половина местного населения глубинных муниципалитетов Республики Карелия (48,5 %) не ощутила такового воздействия на свою жизнь или жизнь своей семьи.

Таблица 4

**Ответы на вопрос «Сильно ли повлияли ограничения пересечения
российско-финляндской государственной границы из-за пандемии
на вашу жизнь и жизнь вашей семьи?», чел./%**

Территория	Да, существенно	Скорее да	Скорее нет	Нет, не повлияли
Петрозаводский городской округ	66/25,7	63/24,5	49/19,1	79/30,7
Приграничные муниципалитеты	37/32,0	22/19,0	22/19,0	35/30,0
Глубинные муниципалитеты	30/14,85	37/18,3	36/17,8	98/48,5
Республика Карелия	133/22,9	123/21,4	107/18,5	212/37,2

В муниципальном разрезе (рис. 3) самое значительное влияние наблюдается в Калевальском национальном (75,0 %), Лахденпохском (69,2 %) и Сортавальском (58,6 %) муниципалитетах, а также в Костомукшском городском округе (61,5 %). При этом больше половины жителей Суоярвского (66,7 %) района не ощутили воздействия ограничений пересечений государственной границы из-за пандемии COVID-19 на свою жизнь или жизнь своей семьи.

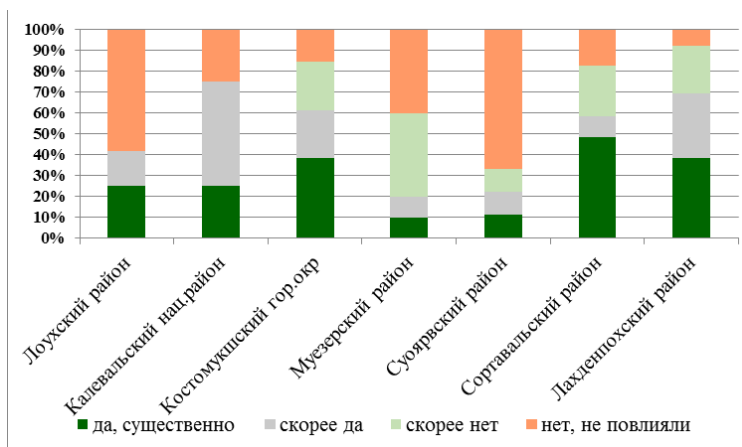

Рис. 3. Ответы на вопрос «Сильно ли повлияли ограничения пересечения российско-финляндской государственной границы из-за пандемии на вашу жизнь и жизнь вашей семьи?», %

Изменение финансового благосостояния семей в связи с ограничениями пересечения государственной российско-финляндской границы. Исследование изменения финансовой составляющей жизни местного населения из-за ограничений приграничного туризма осуществлено на основе трех вопросов, фокусирующихся на различных аспектах значимости финского въездного потока в регион и выездного турпотока в Финляндию.

Так, вопрос о приграничном туризме в качестве источника или одного из источников благосостояния для респондентов (табл. 5) выявляет отличие мнения жителей карельского приграничья от восприятия значимости трансграничной мобильности населением глубинных муниципалитетов региона. Почти треть жителей приграничных районов (30,2 %) рассматривают поездки финнов и/или свои поездки в Финляндию в качестве источника благосостояния семьи. Значение приграничного туризма в глубинных муниципалитетах и в столичном округе значительно меньше. Кроме того, в карельском приграничье (49,1 %) наблюдается самый низкий процент нейтральных оценок семейной доходности приграничного туризма; самый высокий — у жителей глубинных муниципалитетов (63,4 %). В муниципальном разрезе наибольшую зависимость от развития приграничного туризма выражают жители Лахденпохского (46,2 %), Калевальского национального (37,5 %) районов. При этом треть населения Сортавальского, Муезерского районов и Костомукшского городского округа указывает на важность приграничного туризма как источника семейного дохода.

Таблица 5

Ответы на вопрос «Является ли приграничный туризм (поездки финнов в Республику Карелия и ваши поездки в Финляндию) источником или одним из источников благосостояния для вас и вашей семьи?», чел./%

Территория	Да, полностью верно	Скорее да	Скорее нет	Нет, не является
Петрозаводский городской округ	14/5,4	36/14,0	58/22,56	149/58,0
Приграничные муниципалитеты	13/11,2	22/19,0	24/20,7	57/49,1
Глубинные муниципалитеты	12/5,9	22/10,9	40/19,8	128/63,4
Республика Карелия	39/6,6	80/13,9	122/21,2	334/58,1

Таким образом, ограничение пересечений государственной российско-финляндской границы влечет за собой изменение финансового благополучия жителей карельского приграничья.

При этом достаточно ожидаемо, что долевой показатель занятости в обслуживании финских туристов в карельском приграничье (7,8%) выше значений глубинных (5,0%) или столичного (2,7%) муниципалитетов. Кроме того, 59,4% местного населения приграничья готовы начать работу с финскими туристами, в том числе в качестве дополнительного заработка или при предложении хороших условий. Одновременно лишь пятый житель приграничных муниципалитетов не готов участвовать в обслуживании финских туристов (18,1%) против 30,7% жителей г. Петрозаводска или 26,7% глубинных муниципалитетов.

Преимущества и ограничения развития приграничного туризма: мнение жителей региона

Рассмотрение данного аспекта базируется на основе данных трех вопросов, раскрывающих личные (семейные) выгоды развития трансграничной туристской мобильности, преимущества и возможные негативные последствия развития приграничного туризма для региона.

Детализированный анализ ответов респондентов о личных и/или семейных выгодах развития финского въездного туризма в Республику Карелия (рис. 4) по большинству пунктов выделяет приграничные муниципалитеты региона. Обобщая, условно можно выделить несколько ключевых направлений, по которым наблюдается большее или меньшее превалирование преимуществ развития приграничного туризма в представлениях жителей карельского приграничья в сравнении с мнением жителей глубинных и столичного муниципалитетов: сфера профессиональных интересов, качество жизни и сфера личных интересов, отражающих ключевые аспекты жизнедеятельности человека. Таким образом, можно с некоторой долей уверенности констатировать более значимую роль приграничного туризма в жизни местного населения приграничья, чем жителей глубинных муниципалитетов или городского округа.

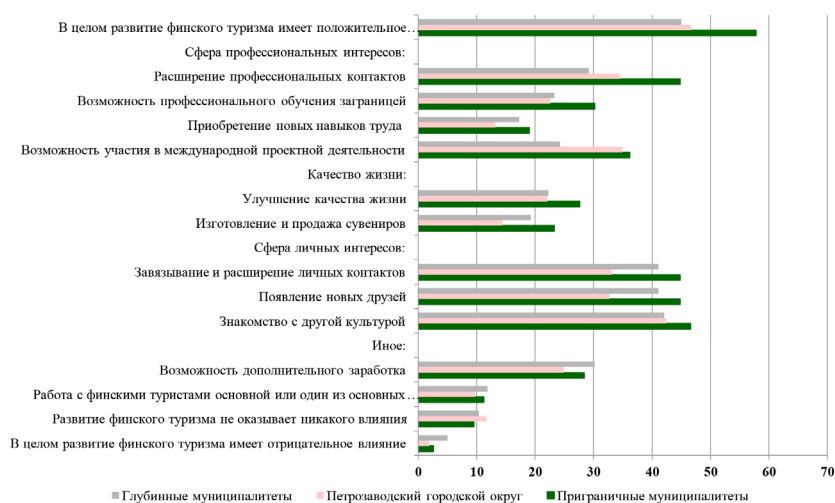

Рис. 4. Ответы на вопрос «В чем для вас лично и вашей семьи вы видите плюсы развития финского туризма в Республике Карелия?» (можно выбрать несколько вариантов ответов), %

Данные социологического исследования свидетельствуют о значимости и/или перспективности развития въездного туризма граждан сопредельной Финляндии в Республику Карелию. При этом фиксируется полное единогласие жителей приграничного региона в значимости и/или перспективности развития приграничного въездного туризма (табл. 6).

Таблица 6

Ответы на вопрос «Считаете ли вы туристские поездки финнов в Республику Карелию значимым и/или перспективным направлением туризма для социально-экономического развития региона?», чел./%

Территория	Полностью согласен (на)	Скорее да	Скорее нет	Не согласен(на)
Петрозаводский городской округ	89/34,6	130/50,6	35/13,6	3/1,2
Приграничные муниципалитеты	54/46,6	43/37,1	16/13,8	3/2,6
Глубинные муниципалитеты	62/30,7	102/50,5	33/16,3	5/2,5
Республика Карелия	205/35,7	275/47,8	84/14,6	11/1,9

Сопоставление мнения респондентов наглядно показывает значительно большую личную заинтересованность жителей приграничных муниципалитетов в развитии финского туризма в Республику Карелия (46,6 % которых полностью согласны с утверждением, что туристские поездки финнов значимы и/или перспективны для социально-экономического развития региона в сравнении с ответами респондентов столичного и глубинных районов, соответственно, 34,6 % и 30,7 %), что обусловлено экономическими, социальными, культурными, профессиональными и иными причинами.

Распределение ответов респондентов на противоположный вопрос, раскрывающий проблематику возможного негативного воздействия развития финского въездного туризма в Республику Карелия в муниципальном разрезе, достаточно показательно (рис. 5).

Рис. 5. Ответ на вопрос «В чем, на ваш взгляд, проявляется (может проявиться) негативное влияние увеличения числа финских туристов на территории вашего района, Карелии в целом?» (можно выбрать несколько вариантов ответов), %

Жители приграничных муниципалитетов чаще в силу специфики экономико-географического положения территорий встречаются с финскими гражданами при совершении взаимных регулярных поездок в социальных, культурных, семейных,

экономических целях, а также благодаря сформированным локальным социальным контактам по обе стороны государственной границы значительно менее категоричны в видении негативного влияния от возможного роста числа финских туристов в регион. Особенно заметна разница в представлении негативных последствий в ответах, характеризующих такие возможные отрицательные последствия, как изменение привычного образа жизни, появление закрытых туристских территорий и возникновение конфликтных ситуаций.

Заключение

Трансграничная туристская мобильность представляется привычным действием в образе жизни местного населения карельского приграничья, проявляясь в регулярном совершении поездок в сопредельное государство, частых контактах с финскими путешественниками, в сформированных предпочтениях и сети контактов с жителями и организациями Финляндии. Ограничения, вызванные новой коронавирусной инфекцией, внесли кардинальные изменения в трансграничную туристскую мобильность, оказав существенное влияние на жизнь приграничья по обе стороны российско-финляндской государственной границы.

Анализ данных социологического исследования местного населения Республики Карелия в муниципальном разрезе, проведенный в 2021 г. совместно с коллегой Е. А. Шлапеко, на предмет различных аспектов развития приграничного туризма позволил обосновать значимость исследуемого феномена в личной (семейной) жизни и в развитии территорий, а также подтвердить выдвинутую в начале исследования гипотезу. Действительно, в наибольшей степени ограничения под влиянием пандемии COVID-19 отразились на жизни жителей карельского приграничья и столичного городского округа, в меньшей степени затронули население глубинных муниципалитетов Республики Карелия. В этой связи, несмотря на специфику экономико-географического положения, сформированную сеть трансграничных связей и потребительских предпочтений, а также полное снятие ограничений пандемии COVID-19 при пересечении российско-финляндской государственной границы с 15 июля 2022 г., населению карельского приграничья, учитывая актуальность медико-биологических и иных факторов, целесообразно постепенно переориентироваться с внешних возможностей на внутренние ресурсы территории, осмыслить варианты выхода из возможных будущих ситуаций ограничений. Так, изменение Финляндией с 1 сентября 2022 г. порядка подачи заявлений на получение шенгенской визы представляется новым вызовом развитию трансграничной туристской мобильности. И хотя г. Петрозаводск вошел в число четырех российских городов, где можно будет подать заявление на получение туристической визы по предварительной записи, нововведение реализуется в ближайшем будущем в сокращении динамики приграничного туризма в российско-финляндском приграничье.

Дальнейшее исследование будет направлено на изучение трансформаций, адаптации и функционирования туристского бизнеса в условиях современных вызовов, поиска путей преодоления возникающих ограничений и продвижения положительного имиджа государства на мировой арене. Современные изменения требуют корректировки стратегических направлений развития международного туризма в Республике Карелия в целом и приграничных муниципалитетов региона, ориентированных на прием и обслуживание въездного туристского потока граждан сопредельного государства, в частности.

Автор выражает благодарность канд. полит. наук, научному сотруднику ИЭ КарНЦ РАН Е. А. Шлапеко за помощь в составлении и проведении социологического исследования. Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания ФИЦ КарНЦ РАН.

Список литературы

1. Więckowski, M. 2011, Cross-border mobility of Poles at the beginning of the 21st century, *Hungarian Studies Review*, № 1, p. 38—46.
2. Пирожник, И. И. 2015, Туристские миграции в трансграничном регионе как фактор активизации экономического сотрудничества (на примере белорусско-польского пограничья), *Проблемы безопасности российского общества*, № 2, с. 141—150.
3. Александрова, А. Ю. 2017, География туристских потоков в РФ: статистика, тренды, проблемы, *Наука. Инновации. Технологии*, № 1, с. 95—108.
4. Mikhailova, E. V. 2021, Cross-Border Tourism on the Russian–Chinese Border in 2014—2019: Customization of the Service Sectors of Border Cities for Chinese Tourists, *Reg. Res. Russ.*, № 11, p. 349—360, <https://doi.org/10.1134/S2079970521030096>.
5. Chow, C. K. W., Tsui, W. H. K. 2019, Cross-border tourism: Case study of inbound Russian visitor arrivals to China, *International Journal of Tourism Research*, <https://doi.org/10.1002/jtr.2297>.
6. Степанова, С. В. 2019, Трансграничная туристская мобильность в приграничье: теоретические и практические аспекты, *Вестник РУДН. Серия экономика*, № 3, с. 563s7. Stepanova, S. V. 2019, Czynniki rozwoju turystyki przygranicznej na rosyjsko-fińskim pograniczu, *Przeegląd Geograficzny*, vol. 91, № 4, p. 573—587, <https://doi.org/10.7163/PrzG.2019.4.7>.
8. Колосов, В. А. 2016, Трансграничная регионализация и фронтальерские миграции: Европейский опыт для России?, *Региональные исследования*, № 3, с. 83—93.
9. Цапенко, И. П. 2018, Трансграничная мобильность населения: обновление формата, *Вестник Российской академии наук*, т. 88, № 11, с. 992—1002, <https://doi.org/10.31857/S086958730002332-3>
10. Anisiewicz, R., Palmowski, T. 2014, Small border traffic and cross-border tourism between Poland and the Kaliningrad oblast of the Russian Federation, *Quaestiones Geographicae*, vol. 33, № 2, p. 79—86.
11. Zaitseva, N. A., Korneevets, V. S., Semenova, L. V. 2016, Prospects for the Cross-Border Cooperation Between Russia and Poland in the Field of Tourism, *International Journal of environmental & science education*, vol. 11, № 14, p. 7166—7175.
12. Studzinska, D., Sivkoz, A., Domaniewski, S. 2018, Russian cross-border shopping tourists in the Finnish and Polish borderland, *Norsk Geografisk Tidsskrift*, vol. 72, № 2, p. 115—126, <https://doi.org/10.1080/00291951.2018.1451365>.
13. Гуменюк, И. С., Кузнецова, Т. Ю., Осмоловская, Л. Г. 2016, Местное приграничное передвижение как эффективный инструмент развития приграничного сотрудничества, *Балтийский регион*, т. 8, № 1, с. 97—117, <https://doi.org/10.5922/2074-9848-2016-1-6>.
14. Kropinova, E. G. 2020, The Role of Tourism in Cross-Border Region Formation in the Baltic Region. [In:] *Baltic Region — The Region of Cooperation. Springer Proceedings in Earth and Environmental Sciences*. Springer, Cham, p. 83—97, https://doi.org/10.1007/978-3-030-14519-4_10.
15. Манаков, А. Г., Голомидова, Е. С. 2018, Трансграничные туристско-рекреационные регионы на смежных территориях России, Эстонии и Латвии, *Географический вестник*, № 2, с. 156—166, <https://doi.org/10.17072/2079-7877-2018-2-156-166>.
16. Manakov, A. G., Golomidova, E. S. 2018, Estimating the Development of the Latvian-Estonian-Russian Transboundary Tourism and Recreation Region, *Balt. Reg.*, vol. 9, № 1, p. 130—141, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2018-1-8>.
17. Мирошниченко, О. В., Понкратова, Л. А. 2011, Международные туристские миграции как фактор интеграционных процессов между регионами России и Китая, *Управление экономическими системами: электронный научный журнал*, № 8, с. 1—42.
18. Honkanen, A., Pitkanen, K., Hall, M. C. 2016, A local perspective on cross-border tourism. Russian second home ownership in Eastern Finland, *International Journal of Tourism Research*, vol. 18, № 2, p. 149—158, <https://doi.org/10.1002/jtr.2041>.
19. Jakosuo, K. 2011, Russia and the Russian tourist in Finnish tourism strategies s20. Izotov, A., Laine, J. 2012, Constructing (Un)familiarity: role of tourism in identity and region building at the Finnish-Russian border, *European Planning studies*, p. 1—19, <https://doi.org/10.1080/09654313.2012.716241>.
21. Lipkina, O. 2013, Motives for Russian Second Home Ownership in Finland, *Scandinavian Journal of Hospitality and Tourism*, vol. 13, № 4, p. 299—316, <https://doi.org/10.1080/15022250.2013.863039>.

22. Laine, J. 2017, Finnish-Russian border mobility and tourism: localism overruled by geopolitics, In: Hall, D. (ed.), *Tourism and geopolitics: issues and concepts from Central and Eastern Europe*. Wallingford: CABl, p. 178—190, <https://doi.org/10.1079/9781780647616.0178>.

23. Probirskaja, S. 2017, “Does anybody here speak Finnish?” Linguistic first aid and emerging translational spaces on the Finnish-Russian Allegro train, *Translation studies*, vol. 10, № 3, p. 231—246, <https://doi.org/10.1080/14781700.2017.1289861>.

24. Гурова, О. Ю. 2012, Почему петербуржцы отправляются за покупками в Финляндию? Исследование трансграничного шоппинга, *Экономическая социология*, т. 13, № 1, с. 18—37.

25. Гурова, О., Ратилайнен, С. 2015, «Турист с востока»: очерк о восприятии российского потребителя финской прессой, *Экономическая социология*, т. 16, № 3, с. 26—45.

26. Makkonen, T. 2016, Cross-border shopping and tourism destination marketing: the case of Southern Jutland, Denmark, *Scandinavian journal of hospitality and tourism*, vol. 16, Supp. 1, p. 36s27. Степанова, С. В., Шлапеко, А. Е. 2018, Тенденции развития трансграничной торговли в российско-финляндском приграничье, *Балтийский регион*, т. 10, № 4, с. 103—117, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2018-4-7>.

28. Бьёрн, И. 2015, Пограничная провинция: основные черты развития Северной Карелии после Второй Мировой войны) (пер. с фин. яз. Ю. М. Килина), *Studia Humanitatis Borealis*, т. 5, № 2, с. 4—16.

29. Манаков, А. Г., Кондратьева, С. В., Теренина, Н. К. 2020, Оценка степени сформированности трансграничных туристско-рекреационных регионов на карельском участке российско-финляндской границы, *Балтийский регион*, 2020, т. 12, № 2, с. 140—152, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2020-2-9>.

30. Lavrushina, N., Malmi, M., Tirri, S. 2021, Let’s write history of twinning between Karelian and Finnish municipalities, *Nordic and Baltic Studies Review*, № 6, <http://dx.doi.org/10.15393/j103.art.2021.2026>.

31. Kolosov, V., Więckowski, M. 2018, Border changes in Central and Eastern Europe: An introduction, *Geographia Polonica*, vol. 91, № 1, p. 5—16, <https://doi.org/10.7163/GPol.0106>.

32. Шлапеко, Е. А., Степанова, С. В. 2018, Формирование трансграничного социокультурного пространства в российско-финляндском приграничье (Республика Карелия, Россия — Северная Карелия, Финляндия), *Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки*, т. 9, № 3, с. 39—48, <https://doi.org/10.18721/JHSS.9304>.

33. Милюкова, И. А., Терентьев, Л. Ю., Такала, И. Л. и др. 2017, Финляндия глазами жителей республики Карелия: социологический опрос 2017 г., *Альманах североевропейских и балтийских исследований*, № 2, с. 504—531, <https://doi.org/10.15393/j103.art.2017.785>.

34. Luković, S., Stojković, D. 2020, COVID-19 pandemic and global tourism, *Hotel and Tourism Management*, vol. 8, № 2, p. 79—88, <https://doi.org/10.5937/menhotur2002079L%20>.

35. Manakov, A. G., Krasilnikova, I. N., Ivanov, I. A. 2022, Towards a classification of transboundary tourist and recreation mesoregions in the Baltic region, *Balt. Reg.*, vol. 14, № 1, p. 75—89, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-1-5>.

36. Степанова, С. В. 2019, Развитие туризма в приграничье: преимущества или ограничения? (Карельская практика), *Балтийский регион*, 2019, т. 11, № 2, с. 94—111, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2019-2-6>.

37. Stepanova, S. V. 2019, The Northern Ladoga region as a prospective tourist destination in the Russian-Finnish borderland: Historical, cultural, ecological and economic aspects, *Geographia Polonica*, vol. 92, № 4, p. 409—428, <https://doi.org/https://doi.org/10.7163/GPol.0156>.

Об авторе

Светлана Викторовна Кондратьева, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, отдел региональной экономической политики, Институт экономики, Карельский научный центр РАН, Россия.

E-mail: svkorka@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-8832-9182>

CROSS-BORDER TOURIST MOBILITY AS SEEN BY RESIDENTS OF THE KARELIAN BORDERLANDS: COVID-19 RESTRICTIONS

S. V. Kondrateva

Institute of Economics Karelian Research Centre
Russian Academy of Sciences
50 A. Nevskogo Ave., Petrozavodsk, Republic of Karelia,
185030, Russia

Received 24.06.2022
doi: 10.5922/2079-8555-2022-4-5
© Kondrateva, S. V., 2022

This article offers a new approach to evaluating the significance of cross-border tourism for residents of the border region of Karelia amid COVID-19 restrictions. The work draws on data of a municipal-level survey of the region's population (575 people), conducted by the author in collaboration with Dr Ekaterina Shlapeko in 2021. Analysis of the survey results has confirmed the customariness of cross-border tourist mobility for the Karelians and the essential role it plays in their lives. These are manifested in regular trips to the neighbouring state, frequent contacts with Finnish travellers, marked preferences and a network of contacts with Finnish residents and organisations. The COVID-19 restrictions affected the routines of the residents of the Karelian borderlands more severely than those of people living in the inner municipalities or the regional capital. The findings of the study provide a comprehensive picture of the significance of cross-border tourist mobility (border tourism) and point to spatial differences in the perception of the study phenomenon by the residents of border, interior and urban municipalities. When applied in practice, the proposed approach gives an opportunity to widen the range of possible administrative decisions and can serve as a tool of regional economic policy on tourism.

Keywords:

cross-border tourist mobility, cross-border tourism, Karelian borderlands, municipality, Republic of Karelia, local population, COVID-19 pandemic, Finland

References

1. Więckowski, M. 2011, Cross-border mobility of Poles at the beginning of the 21st century, *Hungarian Studies Review*, № 1, p. 38–46.
2. Pirozhnik, I. I. 2015, Tourist migration in cross-border region as a factor of enhancing economic cooperation (exemplified by Belarusian-Polish borderland), *Security Problems of the Russian Society*, № 2, p. 141s3. Aleksandrova, A. Yu. 2017, Geography of tourist flows in the Russian Federation: statistics, trends, challenges, *Science. Innovations. Technologie*, № 1, p. 95–108.
4. Mikhailova, E. V. 2021, Cross-Border Tourism on the Russian-Chinese Border in 2014–2019: Customization of the Service Sectors of Border Cities for Chinese Tourists, *Reg. Res. Russ.*, № 11, p. 349–360, <https://doi.org/10.1134/S2079970521030096>.
5. Chow, C. K. W., Tsui, W. H. K. 2019, Cross—border tourism: Case study of inbound Russian visitor arrivals to China, *International Journal of Tourism Research*, <https://doi.org/10.1002/jtr.2297>.
6. Stepanova, S. V. 2019, Cross border tourist mobility in borderland: theoretical and practical aspects, *RUDN Journal of Economics*, № 3, p. 563–575, <https://doi.org/10.22363/2313-2329-2019-27-3-563-575> (in Russ.).
7. Stepanova, S. V. 2019, Czynniki rozwoju turystyki przygranicznej na rosyjsko-fińskim pograniczu, *Przegląd Geograficzny*, vol. 91, № 4, p. 573–587, <https://doi.org/10.7163/PrzG.2019.4.7>.

8. Kolosov, V. A. 2016, Cross-border regionalisation and commuters: European experience for Russia?, *Regional Studies*, № 3, p. 83—93 (in Russ.).
9. Tsapenko, I. P. 2018, Cross-border population mobility: format update, *Vestnik RAS*, vol. 88, № 11, p. 992—1002, <https://doi.org/10.31857/S086958730002332-3> (in Russ.).
10. Anisiewicz, R., Palmowski, T. 2014, Small border traffic and cross-border tourism between Poland and the Kaliningrad oblast of the Russian Federation, *Quaestiones Geographicae*, vol. 33, № 2, p. 79—86.
11. Zaitseva, N. A., Korneevets, V. S., Semenova, L. V. 2016, Prospects for the Cross-Border Cooperation Between Russia and Poland in the Field of Tourism, *International Journal of environmental & science education*, vol. 11, № 14, p. 7166—7175.
12. Studzinska, D., Sivkoz, A., Domaniewski, S. 2018, Russian cross-border shopping tourists in the Finnish and Polish borderland, *Norsk Geografisk Tidsskrift*, vol. 72, № 2, p. 115—126, <https://doi.org/10.1080/00291951.2018.1451365>.
13. Gumenyuk, I., Kuznetsova, T., Osmolovskaya, L. 2016, Local border traffic as an efficient tool for developing cross-border cooperation, *Baltic region*, vol. 8, № 1, p. 67s14. Kropinova, E. G. 2020, The Role of Tourism in Cross-Border Region Formation in the Baltic Region. [In:] *Baltic Region — The Region of Cooperation. Springer Proceedings in Earth and Environmental Sciences*. Springer, Cham, p. 83—97, https://doi.org/10.1007/978-3-030-14519-4_10.
15. Manakov, A. G., Golomidova, E. S. 2018, Transboundary tourist-recreational regions in the adjacent territories of Russia, Estonia and Latvia, *Geographical bulletin*, № 2, p. 156—166, <https://doi.org/10.17072/2079-7877-2018-2-156-166> (in Russ.).
16. Manakov, A. G., Golomidova, E. S. 2018, Estimating the Development of the Latvian-Estonian-Russian Transboundary Tourism and Recreation Region, *Baltic Region*, vol. 9, № 1, p. 130—141, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2018-1-8>.
17. Miroshnichenko, O. V., Ponkratova, L. A. 2011, International tourist migration as a factor of integration processes between Russian and Chinese regions, *Upravlenie ekonomicheskimi sistemami: elektronnyj nauchnyj zhurnal*, № 8, p. 1—42 (in Russ.).
18. Honkanen, A., Pitkanen, K., Hall, M. C. 2016, A local perspective on cross-border tourism. Russian second home ownership in Eastern Finland, *International Journal of Tourism Research*, vol. 18, № 2, p. 149—158, <https://doi.org/10.1002/itr.2041>.
19. Jakosuo, K. 2011, Russia and the Russian tourist in Finnish tourism strategies s20. Izotov, A., Laine, J. 2012, Constructing (Un) familiarity: role of tourism in identity and region building at the Finnish-Russian border, *European Planning studies*, p. 1—19, <https://doi.org/10.1080/09654313.2012.716241>.
21. Lipkina, O. 2013, Motives for Russian Second Home Ownership in Finland, *Scandinavian Journal of Hospitality and Tourism*, vol. 13, № 4, p. 299—316, <https://doi.org/10.1080/15022250.2013.863039>.
22. Laine, J. 2017, Finnish-Russian border mobility and tourism: localism overruled by geopolitics, In: Hall, D. (ed.), *Tourism and geopolitics: issues and concepts from Central and Eastern Europe*. Wallingford: CABI, p. 178—190, <https://doi.org/10.1079/9781780647616.0178>.
23. Probirskaja, S. 2017, “Does anybody here speak Finnish?” Linguistic first aid and emerging translational spaces on the Finnish-Russian Allegro train, *Translation studies*, vol. 10, № 3, p. 231—246, <https://doi.org/10.1080/14781700.2017.1289861>.
24. Gurova, O. Yu. 2012, A Study of Cross-Border Shopping: Why Inhabitants of St. Petersburg Prefer to Do Shopping in Finland?, *Journal of Economic Sociology*, vol. 13, № 1, p. 18—37 (in Russ.).
25. Gurova, O., Ratilainen, S. 2015, “Eastern Tourist”: A Review of Images of Russian Consumers in Finnish Media, *Journal of Economic Sociology*, vol. 16, № 3, p. 26—45 (in Russ.).
26. Makkonen, T. 2016, Cross-border shopping and tourism destination marketing: the case of Southern Jutland, Denmark, *Scandinavian journal of hospitality and tourism*, vol. 16, Supp. 1, p. 36s27. Shlapenko, E. A., Stepanova, S. V. 2018, Trends in the development of cross-border trade in the Russian-Finnish borderlands, *Balt. Reg.*, vol. 10, № 4, p. 103—117, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2018-4-7>.
28. Björn, I. 2015, Border province: the main features of the development of North Karelia after World War II, *Studia Humanitatis Borealis*, vol. 5, № 2, p. 4—16 (in Russ.).

29. Manakov, A. G., Kondrateva, S. V., Terenina, N. K. 2020, Development of cross-border tourist and recreational regions on the Karelian section of the Russian-Finnish border, *Balt. Reg.*, 2020, vol. 12, № 2, p. 140—152, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2020-2-9>.
30. Lavrushina, N., Malmi, M., Tirri, S. 2021, Let's write history of twinning between Karelian and Finnish municipalities, *Nordic and Baltic Studies Review*, № 6, <http://dx.doi.org/10.15393/j103.art.2021.2026>.
31. Kolosov, V., Więckowski, M. 2018, Border changes in Central and Eastern Europe: An introduction, *Geographia Polonica*, vol. 91, № 1, p. 5—16, <https://doi.org/10.7163/GPol.0106>.
32. Shlapenko, E. A., Stepanova, S. V. 2018, Formation of cross-border socio-cultural space of Karelia (Republic of Karelia, Russia — North Karelia, Finland), *St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences*, vol. 9, № 3, p. 39—48, <https://doi.org/10.18721/JHSS.9304> (in Russ.).
33. Miljukova, I. A., Terentyev, K. Yu., Takala, I. R. et al. 2017, Finland through the eyes of the residents of the republic of Karelia: survey 2017, *Nordic and Baltic Studies Review*, № 2, p. 504—531, <https://doi.org/10.15393/j103.art.2017.785>.
34. Luković, S., Stojković, D. 2020, COVID-19 pandemic and global tourism, *Hotel and Tourism Management*, vol. 8, № 2, p. 79—88, <https://doi.org/10.5937/menhottur2002079L%20>.
35. Manakov, A. G., Krasilnikova, I. N., Ivanov, I. A. 2022, Towards a classification of trans-boundary tourist and recreation mesoregions in the Baltic region, *Balt. Reg.*, vol. 14, № 1, p. 75—89, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-1-5>.
36. Stepanova, S. V. 2019, Tourism development in border areas: a benefit or a burden? The case of Karelia, *Balt. reg.*, 2019, vol. 11, № 2, p. 94—111, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2019-2-6>.
37. Stepanova, S. V. 2019, The Northern Ladoga region as a prospective tourist destination in the Russian-Finnish borderland: Historical, cultural, ecological and economic aspects, *Geographia Polonica*, vol. 92, № 4, p. 409—428, <https://doi.org/https://doi.org/10.7163/GPol.0156>.

The author

Svetlana V. Kondrateva, Senior Researcher, Department of Regional Economic Policy, Institute of Economics Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences, Russia.

E-mail: svkorka@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-8832-9182>

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://creativecommons.org/licenses/by/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))